
Люди вымирающего цеха

Препаратор-орденоносец Филипп Евтихиевич Федулов и препаратор народный ополченец Дмитрий Яковлевич Федулов. О «последних могиканах» Лоренцевой школы препараторов-таксидермистов. 1947?

Александр Федорович Котс

«Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц...»

Полстолетие назад. Безвестное и захолустное село «Ивановское» бывшей Калужской губернии. Одно из множества «Ивановских» былой России с ее «бедными селениями» и «скудной природой»....

Снежная волнистая равнина с реденькими перелесками по берегу извилистой Протвы и занесенные в сугробах снега избы вдоль наезжанной дороги...

У одной избышки, той, что наискось от церкви, справа, остановимся и сквозь заиндевевшее окно заглянем внутрь.

Темные бревенчатые стены. Печь в углу. Станок прядильный. За веретеном — хозяйка дома: рослая, выскокая, уж пожилая женщина. Сухое, правильное, строгое лицо с живым и острым взглядом черных глаз...

«Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать...»

Ушедши целиком в работу, опытными пальцами умело выправляя пряжу, поминутно пригибаясь, чтобы прикивая к нити, удалить губами западающие в нить остинки, мать- хозяйка не забыла о другой своей заботе — о лежащем на ее коленях сыне.

Задремавший под гудение веретена ребенок неожиданно проснулся. Его черные глазенки, уж готовые заплакать, недовольно озадаченно обращены на мать: льняная прядь запуталась случайно в волосах ребенка и прервала его детский сон..

Умелой, любящей рукой освобождает мать кудрявую головку сына и опять гудит веретено при тусклом свете лампочки-коптилки в занесенной снегом и обвешанной вьюгами избенке....

Скромная и заурядная для той поры картинка, нарисованная здесь со слов ее участницы-хозяйки скромного ивановского домика.

Но не совсем обычно будущее ее сына — маленького черноглазого мальчонка.

Бывшая когда то крепостная, мать шести детей, Татьяна Дмитриевна **Федулова**, была одной из тех безвестных «величавых» героических крестьянок, что воспеты были некогда Некрасовым. Единолично выростив пять сыновей, она явилась в положении родоначальницы той «славной» кучки препараторов, без помощи которых невозможно было бы создание Дарвиновского Музея и развитие зоологических музеев Москвы.

Подобно большей части подмосковных сел — село Ивановское большую часть года было «Бабьим Царством» за уходом большинства мужчин на заработок в Москву. Шли в переплетчики, шли в слесаря и скорняки.

Скорняжным делом занялись и двое старших сыновей Федуловой этой профессией, приведшей их в крупнейшую когда то мастерскую препаратора-натуралиста Лоренца. Но приобщившись к препараторскому делу, старшие Федуловы тянули за собой и младших сыновей и братьев и в итоге, то «Федуловское» племя препараторов, таланту и усердию которых наши крупные московские музеи зоологии обязаны своими замечательными экспонатами:

Федулов Константин и сын его Владимир (ныне препаратор при Зоологич. Музее МГУ)

Федулов Яков и его сын Дмитрий (преparator в Дарвиновском Музее) наконец, самый талантливый из этих «Бахов» в preparatorском искусстве, ставший подлинным «Себастианом Бахом» в этой области Филипп Евтихievич **Федулов**, первый preparator нашего Союза и один из лучших вообще в Европе.

С этим самым давним, самым преданным сотрудником и сосоздателем нашего Дарвиновского Музея мы уже встречались выше... в образе курчавого и черноглазого мальчонка, что проснулся на коленях матери на положении плененного «Авессалома».

Символическое пленение! Эта прядь льняных оческов, зацепившая за локоны малютки, пробудившая его со сна!

Пройдут года и пробужденный, и приобщенный к творческой, культурной жизни и к служению науке этот черноглазый мальчик на всю жизнь окажется «во власти льна»: при помощи льняных оческов он с неподражаемым талантом будет восстанавливать богатство форм и линий у животных, доставлять миллионам лиц переживания чистой радости при созерцании богатств и форм, и красок органического мира.

С этим ранним сосоздателем Музея, **нашим** preparatorом **Федуловым**, в различные периоды его жизни, мы уже встречались в первой части настоящего труда, при изложении истории Дарвиновского Музея.

Внешне мало связанные и попутно только приведенные, эти немногие упоминания все же помогают перекинуть мост от черноглазого мальчонки «Фили» на коленях матери-крестьянки, к шустрому четырнадцатилетнему подростку «Фильке» Лоренцовской мастерской, когда то, сорок с лишним лет тому назад, впервые встретившего на ее пороге пишущего эти строки (бывшего в ту пору гимназистом!), отсюда к «дяде Филе» — главному и уважаемому мастеру все той же Лоренцовской фирмы при заведовании ею автором (за плату чучелами!) и отсюда к сосоздателю и основной опоре Дарвиновского Музея с 1917 года.

И поэтому, минуя дореволюционную работу нашего сотрудника и друга обратимся к осени 17-го года и попробуем дать краткий очерк деятельности этого лучшего preparatora Союза за истекшее двадцатилетие (1917—1937).

Мобилизованный с первого дня войны, в июле 1914 года, **Ф. Федулов** более трех лет был оторван от Дарвиновского Музея. Наступила осень 1917 года. Надвигалось неизбежное: бесславнейший конец преступнейшей из войн. Три с лишним года, унесшие миллионы жизней оставили жизнь нашему сотруднику. Его, познавшего все ужасы войны, поход в Германию, в седле, в 100 верстных переходах, через ледяные воды Немана и красные снега Августовских лесов, судьба, сберегши жизнь, не уберегла от скорбного сознания бесцельности всех понесенных жертв. Это сознание невольного участия в великом злодеянии сложилось у него задолго до конца «освободительной» войны. Невольному свидетелю жестокостей в обоих станах скоро приоткрылась лицемерность лозунгов империализма, а невольный очевидец закулисной жизни фронта, до конца познал всю тяжесть классовой неправды на своей же родине.

Обманом, грандиознейшим обманом оказались жалкие попытки оправдания великой бойни; но, однако и в разгаре боя, среди хаоса огня и смерти и стоящего за ними хаоса обмана, лжи и лицемерия непоколебимым оставалось в сердце нашего сотрудника и друга лишь одно: незыблемое чувство долга, зарожденное в Калужской хате, закалившееся в городских подвалах, в тяжелой изнурительной работе, основное жизненное правило — вносить во всякую очередную данную работу **всю** энергию, **все** силы, **все** уразумение.....

Но, как справедливо было сказано: «геройство требуется не только на войне — еще нужнее оно в будничной и повседневной жизни.»

Не прияв самоотверженности смерти, сотни раз грозившей нашему герою, жизнь потребовала большего: самоотверженности жизни, жертвы, еще более безвестной, безраздельно отданной созданию Дарвиновского Музея.

Лишь с начала 18-го года, будучи официально демобилизован, **Ф. Федулов** смог вернуться к своей творческой работе.

Нелегко было произвести необходимый выбор среди массы материалов, собиравшихся в течение десятков лет: наметить очередь, порядок монтировки сотен птичьих и звериных шкур, годами сохранявшихся в музейных складах и нуждавшихся в скорейшем их переводе на положение стойких, выставочных preparatorов.

С трех сторон, в тройком отношении определялось содержание препараторской работы:

1. Приходилось озаботиться переработкой в чучела годами сохранявшихся звериных шкур, во избежание дальнейшей порчи их от разъедающего действия жирowych кислот, обычно развивающихся при лежании шкур в невыделанном виде.
2. Надлежало выправить существовавшие пробелы в выставочных экспонатах монтировкой ряда ценных экземпляров из числа имевшихся на складах в немонтированном виде.
3. Предстояло, по возможности, использовать ценнейший материал зверей и птиц Московского Зоологического Сада, поступавших периодически в Музей при неизбежных в практике зоологических садов падежах животных.

И нетрудно видеть, где, в которой из поименованных трех областей работы, возвращение нашего испытанного мастера являлось наиболее желательным: спасти и сохранить неоценимые научные сокровища, которые иначе угрожали навсегда погибнуть; претворить эти отчасти уж затронутые разрушением объекты в совершенные художественно-научные экспонаты, в документы и орудия научной и культурно-просветительной работы — к этой роли воссоздания посмертных форм животной жизни предстояло приступить нашему другу и сотруднику, три года погубившему на подневольное участие в уничтожении миллионов жизней.

Не совсем звериным оказался, впрочем, облик одного из первых препаратов, вышедших из рук нашего друга: чучело шимпанзе, молодого экземпляра, в свое время жившего три с лишним года в доме пишущего эти строки и явившегося столь благодарным для обширных зоопсихологических экспериментов, частью обработанных и обнародованных в I выпуске Трудов Музея¹.

Можно уверенно сказать, что никогда еще естественно-научный препарат не подвергался более умелому тщательному скульптурному оформлению при столь широком использовании бесчисленных оригинальных фотографий, в свое время сделанных при жизни нашего питомца. И если результаты монтировки все же оказались несколько несовершенными, то, разумеется, причиной этому не столько внешние технические затруднения (неизбежные при усушке препаратов деформации), сколько заведомая невозможность заменить самой искусной маской физиогномию животного, столь хорошо изученного, за четыре года персональной к нему близости...

Неизмеримо большей трудностей представляли последующие работы: монтировка сотен экземпляров, пестрой чередой сменявшихся в препаровальной мастерской музея.

Дабы дать наглядную картину жизни и работы мастерской в первые годы после революции, читатель приглашается перенестись воображением в Дарвиновский Музей тех лет и заглянуть в тот уголок его, где в продолжении десятка лет бессменно занят был своей глубоко своеобразной деятельностью сооснователь Дарвиновского Музея Ф.Федулов.

Небольшая комната в одно окно, наскоро приспособленная для препараторских работ, снизу и доверху заставленная препаратами.

Возможно — если накануне вашего визита в мастерской производилась съемка шкуры павшего животного — ваш нос захвачен будет ранее, чем зрение: удушливый тяжелый воздух, весь пропитанный густыми испарениями заквашенной звериной шкуры — льва или тигра здесь же распростертой на полу, у входа... Не смущаясь и перешагнув через безвредного, повидимому², хищника, вы видите перед собой самое причудливое по составу общество зверей и птиц, воссозданных рукою нашего мастера-художника. Продукт немногих месяцев его работы, все эти разнообразнейшие чучела составлены для сушки впрямь до окончательной отделки их при размещении в музейских залах.

Вот длинношерстная миниатюрная лошадка-пони, взрослый экземпляр, напоминающий лохматого барбоса и размерами, и мастью; вот — не менее оригинальная лохматая обезьяна из Центральной Африки, так называемая «гверца», с белоснежной бахромой волос, спускающихся длинными прядями с боков эффектно контрастируя на бархатисто-черной шерсти этого животного; там — чучело американского ле-

¹ К ст. 2-й Н.Н. Ладыгина-Котс. «Исследования познавательных способностей шимпанзе». Том I. Госиздат 1923-й год.

² «Повидимому», ибо не исключена возможность, что животное погибло от небезопасной и для человека заразной болезни, ускользнувшей от ветеринаров.

нивца в характерной его позе, брюхом кверху и спиной вниз, с конечностями на подобие крюков; там — лазающая форма кенгуру из австралийской области, а по соседству с ним земляк его, лохматый казуар. Здесь пара ящеров из Африки в из характерной лозящей и укрывающейся позе; — белка альбиноска из под Ярославля; светлый соболь с Забайкалья и десятки прочих, самых любопытных тварей, собранных со всех концов земного шара..... Бессистемно-хаотичное это собрание неделями двумя позднее разместится в выставочных залах; каждое животное для иллюстрации определенного вопроса, той или иной проблемы эволюционного учения: одомашнения, приспособления, зоогеографии, изменчивости окраски, сообразно основной задаче нашего Музея — иллюстрировать не вещи, а идеи, не разрозненные факты, а их претворяющее обобщение....

Но перейдем к хозяину этого странного зоологического уголка, к самому мастеру- художнику, Федулову. Мы застаем его за установкой чучела американского страуса. Не в пример обычной, общепринятой на Западе, как и у нас (особенно среди провинциальных препараторов) манере делать чучела «на тушках» (т.е. изготавливая наперед готовый твердый манекен затем уже облакаемой очищенной от мяса шкуркой) Ф.Федулов при монтировании препаратов птиц, обыкновенно пользуется менее известной, но гораздо более пластической методой препарирования «мягким» способом. Главнейшие моменты этого приема, в собственно технической их части, могут быть сводимы к нижеследующим манипуляциям. В хорошо очищенную изнутри, освобожденную от мяса, жира и предварительно отравленную раствором мышьяковистого натра, шкуру птицы пропускается продольный деревянный основной брусок, к которому последовательно, по мере продвижения работы, прикрепляются шесть проволок, идущих в шею (в голову) к хвосту, в конечности и крыльям. Всего прежде укрепляют шею, пропуская долевою, отточенную с вершины проволоку, обмотанную до толщины нормальной шеи, с помощью льняных оческов. Спереди эта искусственная шея укрепляется пронизанием черепных костей до выхода конца ее наружу, сзади укрепляется на долевом бруске. Покончив с шеей, принимаются за крылья, также укрепляемые при посредстве проволок. Всего труднее пропускание проволок сквозь нижние конечности, особенно, как в данном случае, у длинноногих птиц.

Последующая набивка помощью льняных оческов или древесины требует большого знания животной пластики, являясь всего менее доступной к пересказу, представляя самую ответственную, наименее механическую часть работы.

Хлопотливое, при оперировании со свежей шкурой птицы, снятой по всем правилам препаровальной техники — изготовление чучел осложняется донельзя при использовании давно лежавших, полу-разложившихся, «горелых» шкур, десятки лет сохранявшихся в музейских складах, в свое время приобретенных случайно, через посредничество заграничных фирм, от местных, иногда туземных сборщиков или охотников, не обладающих элементарным знанием препаровальной техники.

Весьма обычно в этих случаях монтажу чучела предшествует подготовительная кропотливая работа по очистке «неподнятых», не отпрепарированных шкур, нередко через разделение шкуры на десятки или более лоскутов.

Только настойчивость и редкое терпение нашего искусника и столь же несравненный его опыт в обращении с такими безнадежными объектами всегда и неизменно обеспечивали максимальную успешность там, где подавляющее большинство его коллег на Западе (не говоря уже о наших препараторах) заведомо и совершенно отказались бы от приступания к работе.

Образец такого создания чучела из лоскутов, как раз и представляет данная работа нашей мастерской: полдюжина кусков от шкуры страуса, рваные лохмотья пышного когда то одеяния прелестной птицы, беспорядочно разбросанные на полу: вот части туловища с сохраненными при них ногами; вот — череп с лоскутами кожи головы, а тут же и вторая отделенная нога; там — два оторванных крыла; там — шея, вывернутая наружу и под опытной рукой нашего мастера освобождаемая от присохших мускулов и грязи.... Но, как в древнем мифе о Титанах, растерзавших тело Диониса, возрожденного позднее волей Зевса, так и в скромной мастерской Музея все эти бесформенные лоскуты талантом нашего художника соединятся вновь в живом и стройном облике прелестной птицы.

Говоря о совершенстве достижений препараторских работ нашего мастера-художника, нельзя не указать на скромность применяемых в работе средств, наперекор обилию разнообразных инструментов, столь обычно настоятельно рекомендуемых в печатных руководствах таксидермии и в большей своей части абсолютно никуда не годных, всевозможных по величине и форме ножичков, скальпелей, ножниц и скребков... Простой скорняжный нож, обыкновенные большие ножницы, пинцеты и скальпель — таково и все воору-

жение нашего таксидермиста-преparatora. Немногим более обширен и набор обыкновенных плотничьих, слесарных инструментов, связанных с самим монтажом препаратов: топор и молоток, пила-ножовка, несколько долот, коловорот, пара стамесок, острогубцы, болторез, прибор для гаечных нарезок, пара гаечных ключей, набор простейших красок и несложных химикалий, — вот и весь ассортимент технических орудий производства нашей мастерской. Тем любопытнее примерный перечень ее работ, единолично выполняемых Федуловым в его столь скромной мастерской.

1. Препараторские в строгом смысле слова: съемка шкур с крупнейших представителей животных (львов, слонов, бизонов) до мельчайших птичек.
2. Сырейные: подготовка, кваска и дубление шкур.
3. Кузнечные: сооружение металлических станков, при установке крупных препаратов.
4. Столярно-плотичные: выработка деревянных манекенов при монтировании крупных чучел.
5. Резные: по кости и дереву.
6. Изготовление искусственных звериных черепов и выправление дефектов в натуральных: реконструкция зубов, путем искусственной их имитации.
7. Скорняжно-прошивные: выправление, сшивание звериных шкур.
8. Малярно-москательные: изготовление разнообразнейших мастик и лаков; варка мышьяковистых растворов для отравливания препаратов.
9. Лепные и муляжные: реконструирование мягких партий на звериных черепах или конечностях при имитации природной их мускулатуры.
10. Собственно таксидермические: самая «набивка» чучел после завершения всех предварительных работ.
11. Декоративные: отделка постаментов и подставок, предназначенных для препаратов.
12. Учетно-инвентарные: надзор и регистрация сырого и монтированного материала; надзор за выставочными экспонатами их периодический осмотр и ремонт.

Таковы главнейшие работы в совершенстве выполняемые Ф. Федуловым в своей исконной главной роли, как таксидермиста-преparatora, не говоря уже о множестве других, обычно добровольно возлагавшихся им на себя за долгие годы его сотрудничества при Музее.

Оставляя описание этой стороны его служения до другого места, возвратимся к прерванному осмотру нашей мастерской, избрав для посещения ее другое время и другое содержание ее работы.

Лето 21-го голодного катастрофического года и одно из самых продуктивных в нашей мастерской, принесшее Музею ряд ценнейших препаратов, в том числе и чучело самого грозного из наших хищников: великолепной шкуры тигра из Приморской Области. Полученный Музеем по инициативе пишущего эти строки в виде безобразного ковра с уродливо набитой головой и вырезанными кусками шкуры, этот вандалически использованный экземпляр искусством нашего художника в недельный срок был претворен в прекрасный образцовый экспонат. Приложенная пара снимков представляет две характерные стадии этой работы.

Первая из фотографий хорошо показывает основную технику, обычно применяемую нашим преparatorом, при монтировке большинства млекопитающих. Из дерева, железа, проволоки, древесины соответственно размерам шкуры и пропорциям животного изготавливается особый манекен, лишь до известной степени определяющий контуры, формы и намеченную позу данного животного. Покончив с манекеном принимаются за шкуру. Помощью неприводимых ни в каких печатных руководствах, только многолетней практикой подсказанных приемов шкура препарированного животного приводится в то состояние, при котором только и возможны все последующие операции над ней. Покончив со шкурой, принимаются за воссоздание искусственного черепа, поскольку ценный в отношении естественно-научном, натуральный череп сохраняется обычно порознь, вне чучела. Тончайшим образом из дерева и торфа формируется дублет естественного черепа; из торфа, глины и других субстанций моделируют присущие ему при жизни мягкие покровы, мускулы и хрящевые части и на эту сфабрикованную голову напяливают соответствующие части шкуры. Тут же,

прежде чем переходить к дальнейшему, вставляются стеклянные глаза, формируются уши и при помощи гвоздей, на время (до усушки препарата) закрепляют положение отдельных партий шкуры головы.

Вторая фотография рисует нам другую стадию работы: налагание шкур на станок с последующей затем подбивкой и сшиванием ее краев.

Простая с виду эта часть работы в высшей степени ответственна, являясь наименее механической, доступной только при наличии большего знания и чувства формы, требуя большого мастерства и чуткости в передаче ее во вне.

Таким то образом, последовательно сменив полдюжину профессий за недельный срок, перебивавши в роли, то сырейщика, то скорняка, то кузнеца, то плотника, то резчика, то муляжиста-скульптора, то препаратора, сменяя свои функции по мере продвижения работ наш мастер-универсалист, не пользуясь ничьей поддержкой или помощью со стороны (— да и к кому же было обратиться в замирающем голодном городе!) единолично в совершенстве справился со своей задачей: из никчемной, грубой, безобразной профанации чудесного природного объекта, из ненужного, не-эстетичного ковра, безвкусной барской безделушки воссоздать редчайшие образец, научной и художественной ценности: нашего тигра, мастерски воссозданного талантливой рукой Калужского крестьянина.

Мы выхватили для примера лишь один, хотя и самый ценный экспонат означенного года. Тем полезнее окинуть общим взглядом достижения мастерской Музея — или, что по существу одно и то же, **нашего сотрудника Федулова за весь этот голодный 1921 год**. Таблица знакомит нас с важнейшими итогами этой работы.

Снова перед нами бесконечно пестрая картина самых редких и причудливых существ, в свое время добытых в различных местностях земного шара, импортированных специальными зоологическими фирмами Германии и Англии, отсюда инициативой пишущего эти строки препровожденных в Дарвиновский Музей, чтобы затем уже бесплодно пролежав десятки лет, в виде сухих и безобразных шкур — как по волшебству — возродиться для посильного служения культуре. Хаотичное по виду, словно собранное «в Ноевом ковчеге» и «в саду Эдема» мирное собрание млекопитающих и птиц, могучих хищных и безвредных травоядных это пестрое смешение животных форм для взоров современного биолога являет из себя единое и стройное свидетельство их кровного родства и общего происхождения. Единодушно говоря о внутренней единой связи эти груды форм своей многообразной внешностью соперничают разве с многогранностью теорий, конкурирующих в объяснении эволюционного процесса.

Попытаемся же мы, не взорами ученых-систематиков и не глазами музеологов-эстетов, а сознанием эволюциониста оценить общеобразовательную ценность этого единственного в своем роде, многоликого звериного «дарвинистического» аргумента.

В центре группы наш лохматый уссурийский тигр. Рядом с ним и короткошерстный, мелкорослый экземпляр того же хищника из Закаспийской Области: прекрасный образец приспособления животного к различным климатам. О том же, и пожалуй еще более рельефнее, говорит нам серия меньших по размеру хищников, пантер и леопардов из различных мест Европы, Азии и Африки: от густошерстного и дымчатого ирбиса нагорной Азии и лишь немногим менее густоволового, но желтоватого китайского его сородича к более южным, светлым, с Закавказья, острова Цейлона и остр. Суматры тянется живая цепь, сменяющих взаимно хищников с глазчатой шерстью, столь характерной по типу, столь изменчивой в подробностях... Еще более нагляден и загадочен пример двух медведей из Индии: один, так называемый «губач» — сплошная черная копна волос, скрывающих собою все живое и рядом с ним миниатюрная и редкошерстная фигурка своеобразного малайского медведя. Оба обывателя тропической и знойной Индии; как глубоко различны эти два животные в отношении своих волосяных покровов; и допуская даже, что несходство это нам удастся, может быть, согласовать с особенностями их повадок и характером обитаемой ими среды — решить доподлинно, какой из двух причин, прямому действию среды или отбору, должно приписать несходство одеяния этих двух зверей — вопрос труднейший в биологии.

Прямое ли воздействие среды, или «борьба за жизнь». «Жиффруизм» или «Дарвинизм» — такова дилемма, навеваемая предыдущими объектами. И рядом с ними новые примеры, наводящие на новые вопросы и на новые сомнения. Вот молодой жирафф — этот, по мнению одних, забитый, загнанный, заезженный, по мнению других — могучий, выездной, парадный конь ученых-Ламаркистов с их оценкой функции и воли, как могучих факторов изменчивости организмов. Рядом — африканский страус, подобно своему сосе-

ду словно скристаллизовавшийся на себе учение Ламарка о значении и роли упражнения и неупражнения органов. Этот принцип еще нагляднее отображается в строении кенгуру с его массивным подвижным треножником: хвостом и парой лап и крохотными лапками передней пары. «Ламаркизм» или «Дарвинизм» — такова альтернатива, выступающая сквозь строение этих трех животных — давний основной принципиальнейший **вопрос о подлинном примате формы или функции, как факторов и двигателей эволюции**. Но переводим взгляд на менее крупные объекты той же группы: вот четыре белые лисицы с симметричными отметинами на ушах и лапах; пара белок-альбиносов с полусимметрическим рисунком; пара замечательных тетеревов — частичных альбиносов с тонкой симметричностью в рисунке оперения — все примеры, или образцы так называемых мутаций: редких, резких и внезапных изменений у животных. Тут же, среди той же группы, формы столь обычно приводимые в защиту дарвиновского учения Отбора; полудомашненные и совершенно прирученные животные: вот черношейный лебедь из тропической Америки по воле человека украшающий пруды Европы; вот — дикий гусь и белые его домашние сородичи — белые утки, куры, голуби в различной степени продукт «искусственного подбора»; тут же рядом доводы — объекты, хорошо могущие служить поддержкой для Теории Естественного Отбора, как **заведомо необъяснимые теорией Ламарка**: филин, с его мягким шелковистым оперением и безшумностью полета, и уменьшенный его прообраз: мелкие сычи и сычки с их соответственно миниатюрной добычей..... пример, так называемого «расхождения признаков» по Дарвину; немного далее: два крупных хищника — орлан и сокол как примеры разнотипных летунов. В различной мере объяснимые — во мнении ученых — приложением теории полезности, примеры эти резко контрастируют с другими, совершенно и заведомо необъяснимыми утилитарными принципами: Таковы примеры яванского павлина и фазанов, а среди последних на-ряду с чистопородными, также и помеси, с многообразным сочетанием признаков двух главных скрещенных между собою видов; именно алмазного и золотистого, прекрасный образец так называемой мозаической наследственности. Примеры эти тесно связаны с одним из плодотворнейших течений в биологии, известным под названием «менделизма», конкурирующим с еще более молодой и также экспериментальной областью — с учением о гормонах. Это учение говорит об органической зависимости выявления внешних признаков животных от процессов, регулируемых железами внутренней секреции, показательный пример подобной связи представляет аномально светлая окраска винторогой антилопы, объясняемая внутренне- секреторными процессами, теорией удачно появившейся на смену или в дополнение к теории Дарвина о половом подборе, столь доступной критике, столь трудно заменимой более приемлемой теорией.

Мы преднамеренно остановились ближе на теоретическом примерном пояснении объектов, закрепленных на рассмотренном фотоснимке, чтобы показать насколько хаотичное по виду это пестрое собрание зверей и птиц, смонтированных нашим препаратором без всякого теоретического плана, (а руководствуясь лишь состоянием мездры и волоса!) является не только группой чучел, **но собранием научных аргументов, выясняющих определенные процессы и соотношения в животном мире**.

С максимальной четкостью здесь выступает преимущество общебиологических музеев типа Дарвиновского над более обычными Музеями систематического типа. И действительно, насколько при организации последних жесткость содержания определяет строго установленный подбор объектов и отчасти их приобретения, настолько в общебиологическом музее самые различные объекты могут заменять друг друга: пояснять ли Ламаркизм помощью Жираффы или Страуса, а учение «влияние среды» — лохматым тигром или леопардом — в сущности довольно безразлично.

Этой большей независимостью материала от его идейного истолкования (любой объект природы может быть интерпретирован, а значит и использован в музее в самых разных целях и аспектах..) — достигается и то, что при подборе основной экспонатуры нашего Музея план, порядок монтировки препаратов представлял второстепенное значение: начинать ли с монтировки препаратов по Отделу Жоффруизма или Дарвинизма, Менделизма и Мутационизма — в сущности довольно равнозначно, раз отделы эти обязательно должны быть полностью представлены в Музее.

Эта неосуществленность порядка или плана монтировки наших препаратов подтверждается еще и тем, что подавляющее большинство работ Федулова (как и других сотрудников Музея) предназначены для **будущего** здания Музея, поскольку в занимаемом ныне помещении никаких особых переэкспозиций не предполагается; достигнутая долгим опытом, фактически проверенная многолетней практикой, блестяще оправдавшая себя во мнении десятков тысяч посетителей, теперешняя экспозиция Дарвиновского Музея содержит все необходимое для массовой работы с экскурсантами, а возрастающая теснота имеющихся помещений — исключает всякую возможность размещения новых экспонатов в выставочных залах. При подобной постановке дела план или порядок монтировки тех или иных объектов не имеет актуального значения и продолжая неустанно создавать все новые художественно-научные ценности Музей наш руководится не

столько интересами **теперешней** экспозиции и **теперешних** посетителей, сколько сознанием необходимости использования таланта и сил и преданности Музею нашего Федулова и сохранения на **будущие** времена и для **грядущих** посетителей Музея уникальных его сокровищ.

К изложенным соображениям присоединяются другие столь же внешние и оттого не менее реальные.

Порядок выполнения препараторских работ определяется не только их идейной важностью, но всего прежде **состоянием соответствующих материалов**.

Собиравшие в продолжение десятков лет звериные и птичьи шкурки, получавшиеся в свое время с отдаленнейших концов земного шара очень часто требуют самого спешного переведения их на положение стойких выставочных препаратов, не считаясь ни с какими априорными идейными **программами и планами в силу самого технического состояния шкур: развития жирowych кислот, грозящих при дальнейшем пребывании в немонтированном виде — неизбежной гибелью самих объектов**. Можно привести десятки, сотни случаев, когда путем такого экстренного монтажа старых прелых и «горелых» шкур нам удавалось сохранить ценнейшие порою уникальные объекты.

Именно такими внешними мотивами приходится обычно руководствоваться при монтаже уникальных серий препаратов, полученных за счет ценнейших материалов, поступающих в Музей от его «шефа» **Холодильника Союзпушнины**.

Прилагаемые фотографии дают понятие об этих уникальных материалах: Черной рыси, черного сурка, черных кавказских диких кошках, белой выдры, белой же лисицы и песца, не говоря о прочих экземплярах, видимых на той же фотографии: как чучел леопарда, Ягуара, белого орла и белого же тетерева-косача...

Бессвязанные по виду эти любопытные создания вместе взятые являются блестящей иллюстрацией центрального вопроса эволюционного учения — проблемы Мутативной изменяемости организмов.

Вряд ли нужно пояснять, что все эти объекты поступили в наш Музей «беспланово» и «самотеком» лишь по мере неожиданного добывания их и столь же непредвиденного и случайного их приобретения Музеем.

Также вряд ли нужно говорить, что добытые в самых отдаленных и глухих частях Союза — на горах Кавказа, степи Казахстана и тайге Урала мало опытными сборщиками, эти уникальные объекты прибывали к нам в Музей в таком именно виде, когда спешная их монтировка представлялась неотложной: драные и незакашанные шкуры при дальнейшем их лежании угрожали бы «сгореть» и навсегда погибнуть для науки и музейного показа.

Упрекать поэтому Музей в бесплановости, эмпиричности работ его препараторской Мастерской (работ, отображаемых на фотоснимках) — равносильно требованию, чтобы редчайшие, порою уникальные объекты — в роде черной рыси или белого орла, программно-планово рождались, добывались и приобретались Дарвиновским Музеем.

Также эмпирически-случайно с виду, но идейно планово оправданно по существу и содержание всех последующих работ Федулова, заснятых на приложенных «отчетных» фотографиях.

И в самом деле. Каждый из заснятых на них объектов представляется в тройном аспекте:

Как объект случайного приобретения (заботы и старания директора Музея).

Как объект монтажа — деятельности препаратора (при консультации директора Музея).

Как музейный экспонат и как идейный аргумент с определенной, четкой целевой установкой (определяемой директором Музея).

В самом деле. Сколько скрытого труда стоит за приобретением каждого изображенного объекта. **Каждый зверь, каждая птица многое могли бы рассказать о том, каким окольным хлопотливым образом они проникли в стены нашего Музея и каких усилий стоило порой его директору заполучить каждый отдельный экземпляр**. А сколько обращений, просьб, запросов оказалось тщетными, осталось без последствий, не приведшими к желанной цели!

Нам достаточно лишь перечислить имена тех лиц и учреждений, от которых в свое время поступили материалы, закрепленные на прилагаемом фотоснимке:

Академик Мензбир, — проф. Артоболевский, проф. Красовский, проф. Никитин, Сельско-хоз. Выставка, Академия Наук, Московский Зоосад, препаратор Лоренц — Холодильник **Союзпушнины** — Зоологические фирмы Лондона, Гамбурга и Галле.

Время сборов соответствующих материалов обнимает около столетия, а место сборов — Абиссинию, Америку, Камчатку, Анадыр, Кавказ, Бразилию, Флориду, Туркестан, Судан, Якутию, Капштат, Печору и Китай..

Не менее разнообразны те литературные источники, к которым приходилось обращаться при монтаже, препарировании этих тварей: от общеизвестных книжек Брэма или Кунерта и до великолепных фолиантов Эллиота, Дрессера и Гульда.

Каждый поворот, каждая поза каждого из чучел многократно обсуждались, дебатировались, проверялись в целях максимального подчеркивания специфичных черт именно данного объекта, в целях наилучшего показа той или иной детали на развернутом крыле и на рас-

Отсутствует текст оригинала

из других Музеев, покупаемых от иностранных фирм или приобретаемых путем обмена.

В качестве рекордного успеха в этой области работ тов. Федулова можно отметить не совсем обычный опыт, выполненный **в 1926 г.** по просьбе бывшего директора Московского Зоологического Музея профессора Г.А. Кожевникова старое чучело кавказского тура, почти столетней давности, предельно архаической работы, надлежало реставрировать ввиду музейной ценности объекта: дело шло о сохранении экземпляра, послужившего **оригиналом описания**, сделанного еще **профессором Рулье** в исходе первой трети прошлого столетия.

Приложенная пара снимков поясняют хорошо эту работу по «омоложению» старого козла.

На первом снимке — ветхое и архаическое чучело, готовое пойти на «сломяк»: бесформенное тело, безобразно сделанные ноги, безнадежно свешанная голова.

Вторая фотография рисует нам того же самого Тура, помолодевшего в руках Федулова: гордая поступь, горделиво поднятая голова, готовность простоять еще столетия за стеклами Музея.

В меньшей степени, но все же в положении таких же реставраций представляется множество других работ, исполненных тов. Федуловым, поскольку именно более редкие объекты, поступающие от других музеев в положение обменных очень часто требуют фундаментальной переделки. Именно искусству нашего Федулова приходится обычно выправлять небрежность, неумение, а часто и недобросовестность коллекторов и препараторов глухой провинции, обычно не имеющих понятия об основных принципах заготовки и хранения музейных материалов.

Яркой иллюстрацией такого неумения, граничащего с нерадением явилась в свое время серия редчайших по составу выродков тетеревиных птиц, полученных путем обмена от известного провинциального музея. Как показывают снимки с этих «препаратов», состояние их явилось верхом безобразия: драные, мятые, с поломанными головами, зараженные и полусъеденные молью, а отчасти с самой беззастенчивой фальсификацией — как то показывает чучело Глухарки-выродка с хвостом дополненным при помощи гусиных перьев и редчайший экземпляр гибрида-рябчика и тетерева с приклеенным к нему хвостом простого рябчика.

Приложенные фотографии отдельных экземпляров, снятых до и после «реставрации» дают хорошее понятие о том, как в опытных умелых, добросовестных руках негодный и полузагубленный музейный «хлам» доступен превращению в ценнейшие наилучшие и выставочные экспонаты.

Очень часто срочность и внеплановость работы нашего искусника диктуется другими, но не менее реальными мотивами.

Так всего прежде непредвиденными **никакими планами**, но оттого не менее значительными приобретениями животных, поступающих от времени до времени **за счет случайных падежей** питомцев нашего Зоологического Сада, а в былые годы покупаемых от заграничных фирм в ответ на специальные запросы нашего Музея, вынужденного годами дожидаться требуемых объектов там, где речь идет о редких и случайно добываемых экземплярах.

Два примера: ??? Фото №..... изображает нашего Федулова за препаровкой пары львов. Внезапно павший в Зоосаде лев когда то знаменитый «Котик») в пору линьки требовал немедленной же монтировки из за невозможности хранения шкуры с неокрепшей гривой. В интересах общей компановки приходилось вслед за львом монтировать и львицу и в итоге пара месяцев внеплановой и непредвиденной работы.

Иллюстрацией работы над «импортным» материалом может послужить **монтаж редчайшей формы Зебры (), выписанной много лет тому назад через одну зоологическую фирму в Гамбурге:** в итоге пополнение наших коллекций «вымирающих животных» интересным экземпляром, редким даже для музеев Западной

Отсутствует текст оригинала

Соответственно шаржированной стройности объекта длинноности и длинношейности Жираффы препаратору в процессе выполнения работы приходилось **больше пребывать на лестнице, чем на полу.** Самая техника знакомая из предыдущего: устройство твердого каркаса (полого внутри для облегчения веса!), имитация мускулатуры помощью соломы, оформление, моделировка головы на отформованном искусственном картонном черепе, повторная прикидка шкуры, постепенная ее подбивка при последующей зашивке.

В результате — превосходный, лучший для России и единственный в Москве правдиво выполненный препарат большого взрослого Жираффа давнего предмета вождления нашего Музея.

Приходилось только сожалеть, что павшая гораздо раньше самочка Жираффы (из того же Зоопарка), к сожалению, попавшее в другое учреждение, доселе мирно укрывается в его безвестных складах без надежды на достойное использование для Музея.

От аборигенов солнечной и знойной Африки двух вымирающих существ — Жираффы и Слона, мы переходим к обитателям полярной ночи, неприступностью своей суровой родины надолго обеспеченных от полной гибели.

Случайное приобретение Музеем нескольких прекрасных шкур полярного медведя ставило вопрос об их переведении на чучела. Работа представлялась срочной, принимая во внимание обычное у белых медведей пожелтение меха после долгого лежания в невыделанном виде.

Не рискуя отправлять медвежьи шкуры на кожевенный завод, из опасения получения их обратно пожелтевшими от действия кислот и жира...., приходилось выделку медвежьих шкур производить в самом Музее. Тщательно и неустанно удаляя помощью бензина каждый жировой мазок, каждое пятнышко и соблюдая исключительную тщательность в работе; по истечении немногих месяцев удалось поставить ряд прекрасных, абсолютно уникальных для России препаратов Белого, полярного медведя.

От полярника к таежнику. Там — белоснежный уроженец льдов и снега, здесь — смоляно-черный житель сумрачной тайги.

Отобранный из партии в несколько тысяч экземпляров колоссальный по размерам экземпляр нашего бурого медведя из Восточной Азии — является достойнейшим партнером своего полярного собрата уникальным для музеев не одной России.

И, однако, как ни ценны сами по себе эти отдельные объекты, самая случайность их приобретения, а этим самым и эпизодичность монтировки — привносили неизбежно элемент отрывочности, неувязанности в технику монтажа, именно в вопросы позировки.

В самом деле. Основной принцип идейного и нормативного Музея — требование оправданности каждого объекта предопределяет, очевидно, также мотивацию и способов «его подачи».

«Форма музеевской подачи» — неразрывно тесно связана с идейным содержанием объекта. Тот же самый экспонат, допустим, чучело полярного медведя надлежит монтировать по разному — смотря по теме, или по зале, для которой данный экспонат предназначается. Медведь полярный для Отдела «Защитной Окраски», он же для главы «Борьбы за жизнь» и он же для главы «Учение о Виде» — требует трех разных монтировок. В первом случае — в свободной и спокойной позе, во-втором — уместна большая динамика движения, в третьем — поза, поворот объекта будут строго согласованы с движениями и позами других сородичей медвежьей группы в целях максимального эффекта проводимого сравнения.

В этой **связанности техники монтажа с идейной значимостью экспоната заключается громадное различие музея типа Дарвиновского от собственно систематических музеев**. Именно в последних экспозиционная работа представляется сравнительно упрощенной: поставить чучело и только. Будет ли медведь повернут вправо или влево будет ли он сделан «на ходу» или спокойно «стоя», сидя или лежа ценность экземпляра этим не меняется. Не то в музее типа Дарвиновского, музее «нормативного» порядка со строжайшим проведением определенной мотивации не только каждого отдельного предмета (что является элементарным требованием для всякого Музея..) но оправданием каждой позы, каждого изгиба, поворота в целях получения наивысшего эффекта в деле восприятия каждого объекта в качестве идейного, теоретического аргумента.

Здесь, в музее нормативного порядка, (как показывающего не то, «что есть», а то, — «как должно это сущее усвоить») чучело, пригодное для одного Отдела может оказаться абсолютно непригодным для другого, именно поскольку важные для этого отдела специфические черты строения недостаточно подчеркнуты, но затушеваны, оттеснены другими свойствами, «**неважными**» и **несущественными в данном специфическом контексте экспозиции**.

(К сожалению, в сегодняшней своей практике музей не учитывает эти интересные и полезные на мой взгляд соображения.)

Легко понять поэтому, что **препарирование животных «просто так» «ins Blaue hinein»** безотносительно к тому что именно он должен сказать, **с каким другим соседним экспонатом им придется некогда стоять**, в каком контексте и в каком аспекте, — препарировать животных **«вообще» без точного учета их последующей роли** и значения как части целого — является в высокой степени рискованно и потому **принципиально нежелательно**.

Вот почему выхватывание отдельных «уникальных редкостей» и монтировка их вне **точных** планов их последующих размещений представляется в нашей музейной практике как временное зло, зло неустранимое, пока при создании новых экспонатов нам приходится их проэцировать «в мечтах» на будущие стены в собственном здании Музея, лишь пророчески предвидимом, но не реально существующем.

И тем уместнее попытка привнести, хотя бы лишь частично, **в технику монтирования естественно-научных препаратов наш повтор** уже изложенный в отделе Живописи **принцип сериального показа, а тем самым и серийного монтажа**.

Оставляя до другого места приведение примеров наиболее удачного и полного осуществления этого серийного показа в области естественно-научных экспонатов, ограничимся сейчас лишь изложением самого принципа этого приема в применении к таксидермическим объектам и в его практическом обосновании.

Возьмем конкретные примеры.

Перед нами снова уголок рабочей комнаты Федулова, занявшегося монтировкой нескольких волков. Готовыми стоят три чучела: Китайский справа, Западно-сибирский слева сзади, маленький монгольский впереди. В руках у препаратора — лохматая большая шкура Волка тундрового, приготовленного к монтировке, как указывает заготовленный уже каркас, стоящий на полу.

???Рис. показывает нам готовый препарат этого громадного по росту тундрового волка с его рослым белым мехом.

Как ни резко разнятся эти четыре волка по размерам и окраске, **но неодинаковость контуров тел затрудняет уловление их различия** и сходства. Да к тому же самое характерное в мехе густота волос и цвет спины и шеи нивелируются светлой мастью нижней стороны и ног, назойливо мелькающих перед глазами, отвлекая внимание от партий, более ответственных, отвернутых от зрителя. Внимание последнего рассеивается случайными и несущественными признаками (положение ног, ушей и поворотом головы) в ущерб существенным отличиям (размерам тела, масти, густота волос).

Эта мешающая роль всех **индивидуальных** черт монтажа (позы, выражения) их ненужность там, где речь идет о признаках **наиндивидуальных**, неразрывно связана с самой техникой монтажа. Даже более того, **с тенденцией, присущей каждому художнику — тенденцией не повторяться в своем творчестве** (Федулов наш принципиально избегал доселе всякую работу «по шаблону»).

Помнится, как **30 лет тому назад**, монтируя для нашего Музея целую **полсотню куличков** (Турухтанов), известных по вариации своей окраски наш Федулов умудрялся делать каждого из куличков по новому, различным по сравнению с соседом. **В результате пятьдесят различных поз!** Свидетельствуя о большой находчивости препаратора, его умении избегать шаблонное и трафаретное — эта полсотня различных поз не только не содействовали усвоению сущности показываемого явления (вариации окраски брачного наряда Турухтана), но как раз наоборот снижали эффективность серии для этой цели: взгляды зрителей невольно обращались к созерцанию различных поворотов и наклонов тела птицы, игры ее воротников, движению ее ног.. и отвлекаясь от того единственного, что имелось в виду показать этой полсотней птиц — **вариации их оперения.**

Но допустимое еще для куличков такое нарочитое внесение чрезмерного разнообразия поз в монтаж Млекопитающих серийно выставленных для демонстрации определенных свойств окраски или роста, явно понижает восприятие последних.

Сопоставим два тождественных по своему составу ряда. Первый ряд — из чучел, делавшихся каждое по своему, без специальной цели их комплексного показа.

Ряд второй — из тех же четырех волков, но препарированных в совершенно сходных позах: **трафаретно-канонически сидящих** со сходным поворотом всех в одну и ту же сторону.

Не требуется много слов (точнее: их не требуется вовсе!), чтобы оправдать этот второй прием показа: **в такой мере сущность проводимого сравнения (роста и окраски) выступает во втором ряду убедительнее, проще, яснее.**

Не всегда, конечно, это проведение серийного показа проводится с должною прямолинейностью и жестким ригоризмом. Далеко не редко самая природа организма протестует против этой вынужденной «уравниловки», внося случайные и привходящие черты, тем сами: нарушая гармоничность ряда. **Тем не менее наглядность этих однотипных по монтажу серий препаратов совершенно исключительна и несравнима** в самых тягостных условиях, то среди мерзлых и гниющих трупов то в насыщенной мышьячными парами атмосфере и все время оперируя с мышьячными растворами для отравления и сохранения от моли препарированных шкур, (растворами, увы! ни мало не щадящими и препараторские руки, вызывая непрерывные нарывы на руках) Ф.Е. **Федулов** и по нравственным своим заслугам неразрывно тесно связан с Дарвиновским Музеем, как его вернейший друг и самый давний, самый преданный, самоотверженный работник.

Молодым, но уже сложившимся и лучшим для своей поры таксидермистом-препаратором вступил Филипп Евтихиевич **Федулов** тридцать лет тому назад в число сооснователей нашего Дарвиновского Музея.

Двадцать лет тому назад к 10-ти летию Октябрьской Революции Федулов был отмечен высоко-авторитетным и почетнейшим признанием — присуждением ему постановлением ВЦИКа — **Ордена Красного Трудового Знамени.**

Прошел еще десяток лет, принесший нашему Музею сотни новых замечательных сокровищ, вышедших из рук тов. Федулова, количеством и качеством превосходящих все сделанное им за первое десятилетие.

Эти бесчисленные экспонаты, созданные замечательным талантом и упорством лучшего в России препаратора давно рассеялись по разным этажам шкапам и полкам нашего Музея.

Только небольшая часть этих сокровищ — уникальных в мировом масштабе — может ныне быть доступна для осмотра массовым посетителем: из года в год стеклянные глаза ценнейших препаратов, созданных Федуловым, снова и снова отражают на себе живую радость тысяч детских глаз и вдумчивые взоры тысяч тружеников народных школ....

Теснее и теснее становятся теперешние стены Дарвиновского Музея для показа, а не только для хранения продукции крупнейшего в Союзе препаратора: не успевают стены за размахом и за темпами его работы.

Пройдут года. Наш Дарвиновский Музей дождется своих стен, достойных содержания его. Раскроются перед десятками миллионов изумленных зрителей пока скрытые за недостатком места и охраны уникальные сокровища Музея, затмевающие все аналогичные собрания Европы и Америки.

И пусть для памяти миллионов будущих восторженных и благодарных посетителей Музея, созерцающих итоги почти полувековой работы главного сооснователя Музея Дарвина — орденосца-препаратора Ф.Е. **Федулова**, останутся сокрытыми усилия и жертвы, что стояли некогда за этим полувековым его служением родной культуре и родной стране.

Но пусть в сознании этих грядущих посетителей Музея за несчетными его сокровищами, за сверкающими серебром и сталью одеяниями полярных хищников, за силуэтами слонов-гигантов, за пурпуровыми веерами-шлейфами павлинов и лазурно-золотистыми каскадами султанов райских птиц... почудится порою скромная избушка в снеговых сугробах, шум веретена, копилка-лампочка, Некрасовская женщина-крестьянка за веретеном, с ребенком на коленях, а в лице ее тот русский трудовой рабочий люд, без помощи которого Музей наш никогда не смог бы ни возникнуть, ни достойно развиваться...

В предыдущем очерке мы ознакомились с работами самого давнего и главного сотрудника Музея, препаратора Ф.Е. **Федулова**. И в самом деле. Каково бы ни было значение для нашего Музея **Езучевского, Вагагина** и **Комарова** их скульптурные и живописные работы — лишь художественная надстройка над таксидермической, научной базой. Создавать Музей по Общей Биологии при помощи картин и бюстов было бы не более полезно, чем писать «Происхождение Видов» по зоологическим картинам. Только заложив фундамент здания за счет естественно-научных фактов, взятых от самой природы, можно при сооружении стен использовать произведения искусства, чтобы полностью довериться ему при возведении венчающего купола.

Вот почему при всей громадной роли для судьбы Музея Дарвина резца и кисти скульптора-художника, **решающее слово экспозиции всегда останется за препаратором-таксидермистом.**

Тем естественнее обратиться к рассмотрению работы нашего второго мастера из рода «препараторов Федуловых» **самого юного из «Бахов»** в препараторском искусстве.

Привлеченный к деятельности при нашем Музее **двадцать с лишним лет тому назад (в 1914 году) Дмитрий Яковлевич Федулов с самого начала специализировался на монтаже небольших зверков и птиц.**

В отличие от своего талантливой дяди, «спеца» по слонам, племянник вынужден был порой оперировать с самыми миниатюрными существами, как то показывает ???фото №....., изображающее пальцы младшего Федулова, усердно занятые препарированием Колибри — этих самых мелких современных птичек.

Переделав их многими сотнями, пройдя на них хорошую, хотя и утомительную, школу наблюдательности и терпения, наш молодой Федулов скоро перешел на монтировку более ответственных объектов — сотен одомашненных животных, бывших ранее подопытными в Зоологическом Саду в годы заведывания им автором (1919—1924).

Десятки опытов по скрещиванию различных пород кур, голубей и уток, кроликов и морских свинок — опытов наглядно закрепляющих ряд основных, элементарных правил, или норм Генетики и Менделизма, были зафиксированы через сохранение самих подопытных животных в первоклассных препаратах, выполненных молодым Федуловым.

Только знакомые практически (подобно пишущему эти строки) с техникой препаровального искусства, знают, **как неблагоприятны для музейного монтажа именно домашние животные и всего прежде Куры среди птиц и Кролики или Морские Свинки из млекопитающих.** Лишь многолетним и настойчивым трудом наш молодой Федулов преуспел и в этой области при постоянном пользовании живой натурой, фото-снимками и зарисовками с жизни животных.

В результате первого десятилетия работ многие сотни препаратов одомашненных животных, вышедших из рук Д.Я. Федулова, легли **в основу одного из наиболее оригинальных подотделов нашего Музея: Подотдела Менделизма и Генетики.**

Однако, ценные, как таковые лишь в руках селекционеров, эти основные правила Теории Наследственности, в свое время добытые вне какого либо отношения к вопросам Эволюции и Дарвинизма, — интересны всего прежде, как опорный или пробный камень этих именно теорий.

И как в области самой науки приходилось перекидывать мосты от опытных делянок и вольеров и клеток одомашненных животных к вольным обитателям лесных просторов, так и в Дарвиновском Музее предназначенном отобразить важнейшие успехи Общей Биологии, необходимо было перейти от демонстрации домашних кур и голубей, свиней и кроликов — к отображению изменчивости диких форм млекопитающих и птиц.

В полное отличие от большинства наших музеев Биологии, привыкших предъявлять своему массовому зрителю общеизвестные в науке факты и явления — в Музее имени Дарвина имеется не мало материала, абсолютно неизвестного еще в науке и намеченного для показа рядовому зрителю.

К этим ценнейшим уникальным материалам должны всего прежде отнести две группы:

- a. Собиравшиеся с первых лет после Октябрьской Революции обширнейшие материалы по изменчивости пушных животных.
- b. Собранные за целое столетие коллекции вырожденных тетеревиных птиц.

Те и другие, как пушные звери, так и птицы требовали срочной монтировки: первые из-за состояния шкур (невыделанных и снятых «промысловым» способом), вторые — из-за архаичности монтажа, угрожавшего не только эстетическому восприятию, но и гибелью от моли (из-за недостаточной протравки чучел мышьяком).

И там, и здесь наш молодой Федулов в совершенстве справился с этой задачей, исключительно ответственной, поскольку дело шло об уникальных экземплярах, абсолютно невозможных в случае их порчи и утраты.

Начинаем рассматривание с пушных животных и выхватываем самый показательный пример: Изменчивость лисиц.

В двух отношениях этот общеизвестный хищник концентрировал все внимание нашего Музея: как пример необычайного обилия личных уклонений и как образец географической изменчивости под различными широтами.

Из необъятных партий лисьих шкур, свозившихся десятками миллионов из всех концов Союза на центральный склад Союзпушнины, удалось за двадцать лет работы с Холодильником собрать единственные в мире серии мехов, наглядно поясняющих громадную изменчивость окраски (и размеров тела) этих хищников в различных пунктах их огромной родины, от Минска до Амура, от Архангельска до Арарата.

Не входя, однако, в собственно научную трактовку данного явления, ограничимся вопросом о его музейном претворении и при том для массового рядового зрителя, а не для зоолога-специалиста.

В самом деле. В отношении последнего вопрос о «методе показа» строго говоря не существует. Совершенно также, как рабочий-сортировщик Холодильника узнает «кряж» и «Сорт» лисиц даже на шкуре вывернутой мехом внутрь, руководствуясь характером мездры и родом правки, совершенно также и специалист-зоолог разберется в материале, собранном любым путем и независимо от «метода показа».

Но совсем иное для широкой массы рядового зрителя. Здесь слово **«Как?» не менее значительно, чем слово «Что?»**. Самые яркие проблемы в области науки и искусства можно заглушить бездарным, неумелым и неопытным показом и наоборот, ничтожные детали, чтобы не сказать «уловки» демонстрации способны колоссально увеличить действенность, «доходчивость» показа.

В пояснение сказанного обратимся к фактам.

Перед нами две аналогичных по составу серии Лисиц.

Одна содержит чучела этого хищника, смонтированные в разных положениях и позах: стоя, сидя, на ходу с различным поворотом головы и разной постановкой ног.

Вторая — состоит из чучел, абсолютно одинаково смонтированных: сидя, с поворотом вправо и с хвостом, обернутым кольцом близ основания лап.

Разная «доходчивость» обеих групп бросается в глаза при первом взгляде самого неопытного человека,

Отсутствует текст оригинала

важной техники выявился в работах младшего Федулова над птицами и в частности на замечательных коллекциях аберративных по окраске оперения тетеревиных птиц.

Чтобы понять и оценить значение работы младшего Федулова именно в этой области — два слова о происхождении этих единственных в музеях всего мира материалов по изменчивости у тетеревиных птиц.

Начать приходится издалека.

Центральным, основным вопросом эволюционного учения является проблема изменчивости организмов и при этом всего прежде индивидуальная врожденная изменчивость.

Являясь главным материалом и «сырьем» для эволюции, такая «мутативная» изменчивость животных в наивысшей своей форме наблюдается не часто, крайние же типы уклонений, — а они то представляют наивысшее значение для музейного показа — попадают в виде огромных редкостей — одно на многие миллионы особей, типичных по окраске.

Говоря конкретно: чтобы раздобыть необходимые для демонстрации широким массам посетителей Музея цветовые уклонения, эти последние приходится «отцеживать» и «отфильтровывать» за счет огромной массы особей, нормальных по окраске; не десятки тысяч, не миллионы, а десятки сотни миллионов таких особей приходится проверять на наличие «мутаций»...

Но является вопрос: где те животные, которые доступны изучению в таком количестве?

Конечно, никакая экспедиция не в силах обеспечить эти подлинно-астрономические цифры требуемых материалов; последние возможны только в отношении некоторых промысловых птиц и на основе промыслового их добывания.

Обыкновенный тетерев-косач является особенно пригодным для такого массового добывания.

Есть указание на то, что одних тетеревов и на один только московский рынок поступало **раньше ежегодно до миллиона пар**, только немногим меньше было поступление их на прежний петербургский рынок.

Ежедневно сорок лет (1870—1909) **покойный Лоренц** обходил московский главный рынок, чтобы забирать заранее отобранные при разборке дичи «выродки» тетеревиных птиц.

Настойчиво за время трех десятилетий (1845—75) собирал **спортсмен-любитель Андреевский** для своей коллекции всех выродков тетеревов, свозившихся к петербургским препараторам.

И присоединяя к этим **сборам сорок лет** коллекционирования (1896—1936) пишущего эти строки, мы получим материал, составленный **в итоге векового собирания** и представляющий как бы фильтрат оставшийся после просмотра свыше **трех миллионов** особей.

Таков количественный материал. А его качество?

Едва ли нужно говорить, что все прошедшие когда-то через руки Лоренца объекты безупречны и по внешней форме и по сохранности. Иное дело с материалом, поступавшим через местных препараторов и в частности с собранием Андреевского. Не говоря уже о крайней архаичности монтажа, исключавшей всякую возможность закрепления подобных чучел для научных целей в форме фотоснимков, самая сохранность чучел угрожала неизбежной гибелью от моли и заражением других коллекций нашего Музея.

Предстояла срочная задача полностью переремонтировать этот ценнейший по научному значению, но архаичный по составу материал придать ему правдивость, стиль, музейное значение Лоренцевских препаратов.

Но, однако, большинство этих «архаиков» имело за собой полсотни лет, и даже более того: находились чучела почти столетней давности!

Решится ли на переремонтировку этих архаических объектов с очевидным риском их распада при размочке, или примириться с их кунсткамерным и архаичным видом и тем самым навсегда запрятать их в резервы, без возможности показа массовому зрителю и без надежды закрепления их на фотоснимках в качестве ценнейших, уникальных собственно научных аргументов?

Разрешить эту музейную альтернативу суждено было нашему младшему **Федулову**, потратившему много лет на реставрацию этих ценнейших для науки, но негодных для музейного показа архаических объектов.

Прилагаемые фотографии изображают хорошо всю несравнимость этих препаратов до и после реставрации.

Можно сказать уверенно, что многие из этих «омоложенных» на сотни лет объектов по изяществу, правдивости и свежести посадки ни в малейшей степени не уступают «Лоренцевым» экземплярам сделанным со свежее добытых («на мясе») экземпляров. И учитывая занятость нашего старшего Федулова монтажом крупных и крупнейших экспонатов и недопустимость отвлечения его труда и времени на монтаж небольших объектов, **Дарвиновский Музей** с тем большею признательностью отмечает глубоко-незаменимую работу **младшего Федулова, этого подлинного выученика Музея** и второго по умению препаратора в Москве. Последний из талантливой семьи «Бахов препараторов» Дмитрий Яковлевич **Федулов** имеет данные стать в будущем вторым «Себастианом» в этой редкой, вымирающей профессии художников-таксидермистов-препараторов.

Но и доселе, созданное им при Дарвиновском Музее за двадцать с лишним лет, (в частности за первые катастрофические годы временной послевоенной продовольственной разрухи) обеспечит навсегда признательные чувства будущих миллионов посетителей Музея в отношении второго нашего таксидермиста-препаратора, назаменейшего реставратора ценнейших мировых сокровищ — **Дмитрия Яковлевича Федулова**.

Послесловие к обоим предыдущим очеркам.

Говоря о наших двух таксидермистах-препараторах, мы неустанно и настойчиво подчеркивали их значение и роль, как представителей особо-дефицитной, «вымирающей» профессии, как двух «последних могикан», последних представителей былой прославленной московской «Лоренцевской» школы препараторов.

И так естественно спросить: Откуда этот пессимизм? этот разговор о «вымирании», эта «отходная» по столь необходимому для музеев творческим работникам! И не искусственно ли это вымирание? И, если — да, — то каким образом предупредить его?

Ответить на вопросы эти — есть задача нижеследующих строк.

Среди многообразнейших родов работы, связанной с организацией зоологических музеев, нелегко найти другую область, более ответственную, сложную, подлинно-творческую, трудную и в то же время столь же малопризнанную и неблагоприятную, чем роль или профессия «таксидермиста-препаратора».

Ответственна эта работа потому, что без нее не мыслимо создание зоологических музеев, или соответственных разделов краеведческих музеев: именно коллекции по Зоологии, при том по преимуществу лишь высших позвоночных, именно зверей и птиц, являются центральной частью, «нервом» экспозиции этих музеев, по наглядности, общепонятности экспонатуры одинаково доступной для всех возрастов и рангов умственной культуры.

Творческой — эта профессия должна быть названа, поскольку прежняя «набивка чучел» ныне превратилось в настоящее искусство скульптора-художника по воссозданию посмертных обликов животных на их натуральной базе.

Трудной эта деятельность является потому, что она требует помимо наблюдательности, чувства формы, понимания животных линий, множества технических способностей и навыков, готовность выполнять работу тягостную, для здоровья вредную: манипулирование с трупами и ядовитыми растворами, мышьячными парами, при которых органическое отравление неизбежно.

Наконец, **неблагодарной** следует признать эту профессию не только в силу этих трудных, или вредоносных ее свойств, но потому еще, что будучи на положении полузабытой, недооцененной должности и профессия таксидермиста-препаратора и отдаленно не оплачивается должным образом.

Неудивительно, что для избрания этой профессии так мало наблюдается сейчас охотников, что те немногие, а в сущности единственные два специалиста, приуроченные к **Дарвиновскому Музею**, пребывают в положении «последних могикан» — носителей этой ценнейшей, остро-дефицитной, вымирающей профессии.

В чем же причины этого фатального явления?

Они, причины эти — сложного порядка, коренясь в глубоко специфических особенностях препараторского творчества.

В полнейшее отличие от деятельности художника, строителя любых приборов и изделий, ценность и достоинство которых узнается с первого же взгляда, или первого же пуска в ход, или употребление, — качество работы препаратора-таксидермиста выявляется лишь по прошествии нескольких месяцев и даже лет.

Ту же **Лисицу**, чучело ее можно поставить в один день, или монтировать ее в течение недели. И по виду оба препарата могут быть почти неотличимы. Но в то время, как последняя переживет века, поставленная в один день не выдержит и года, ставши жертвой кожных заболеваний, моли или жирных кислот, развившихся в невыделанной шкуре.

Но отсюда явствует, что к приведенным выше данным и способностям таксидермиста-препаратора необходимо присоединить еще одно, без которого все другие его данные и знания бессмысленны и беспредметны: безграничное терпение и абсолютнейшая добросовестность.

При всей элементарности этих обоих требований, соблюдение их встречается много и подчас неодолимым вредностей.

И связаны они не только с низкой, ныне существующей оплатой препараторов, но и с наличием особых социальных и общественных моментов, обусловленных самой культурой социалистического строя.

В этом частном, небольшом вопросе отражается в миниатюре все бездонное несходство социального, экономического положения рабочих до и после Революции.

Достаточно напомнить, что когда-то, при царизме, средний заработок «старшего мастера» завода, или фабрики, определялся в 30-35 рублей, являясь чем то возделенным для любого рядового, среднего рабочего.

Легко понять, что полагавшаяся некогда у **Лоренца** в его когда то знаменитой мастерской «Набивка Чучел» месячная плата в те же 30-35 рублей, при всем готовом (т.е. даровой квартире и полном столовании) было идеалом для тогдашнего рабочего, умевшего не только хорошо справляться с бытовыми нуждами, но, — как это удалось однажды одному из старших лоренцевских мастеров (**Я.Е. Федулову**) построить у себя, в деревне, превосходный дом со службами за одну тысячу рублей.

Короче: для крестьянина, идущего в отхожий промысел в Москву, для скорняка, или сырейщика, стать препаратором у Лоренца казалось верхом благоденствия и поступавшие к нему, обычно доживали до глубокой старости, внося в свою работу щепетильнейшую добросовестность.

Эта последняя не мало облегчалась тем, что лоренцевские мастера работали без всякой торопливости, затрачивая на отдельный препарат срок времени, необходимый для неспешного и полноценного монтажа, абсолютно не гоняясь за «количественным» показателем, в отличие от всех других тогдашних препараторов Москвы, работавших по принципу: количеством по больше, не считаясь с качеством работы, ее прочностью, долговечностью.

В итоге — максимум старания, влагавшегося в монтировку каждого объекта, будь то снегирия, или медведя, и предельная стабильность лоренцевских препаратов: сотни этих экспонатов полувековой и даже семидесятилетней давности, имеющихся в нашем **Дарвиновском Музее**, смотрятся, как будто они сделаны совсем недавно.

Но легко понять, что именно в условиях советской экономики и жизни вербовать работников этой профессии — задача, более, чем трудная.

И в самом деле. Рекрутировать их из среды рабочей и крестьянской молодежи безнадежно при наличии несравненно более высоко оплачиваемого и более «чистого» труда на фабриках, не говоря уже о Колхозах и Совхозах с широчайшими их перспективами правительственных наград и поощрений.

Примириться с низкой существующей оплатой препараторов, избрать эту профессию во имя интереса и дела, вопреки всей неприглядности ее отдельных операций (с трупами и ядами) смогли бы разве юные любители природы, каковых не мало среди нашей городской и сельской молодежи.

Но и здесь рассчитывать на привлечение «юннатов» к препараторскому делу — не приходится, поскольку все попытки **Дарвиновского Музея** в этом направлении разбивались о естественное стремление таких юннатов получить законченное среднее образование для поступления в Вузы, чтобы стать не препараторами, а натуралистами.

Так именно и поступили те немногие «ученики», которых наш Музей пытался привлекать для обучения искусству препараторов-таксидермистов: нахватавшись кое-каких верхов за время пары лет, лишь оторвав музейных препараторов от их прямого дела и лишив Музей десятков ценных экспонатов, эти «мнимые ученики» смывались, поступая в школы рабочей молодежи для последующего поступления в Вузы, и в Лабораторий для более опрятной и «доходчивой» работы.

К сказанному присоединяется еще и следующее обстоятельство.

В условиях работ у **Лоренца** квалифицированные мастера- таксидермисты выполняли только более ответственную, творческую часть ее: монтирование экспоната, между тем, как черновая, предварительная часть ее, снятие шкуры с трупа, выварка черепов, выделка шкур, отмывка, сушка, подготовка требуемых станков (каркасов) плотничные и железные работы выполнялись менее квалифицированными подмастерьями, в которых — при тогдашнем месячном окладе в 20-25 рублей (на всем готовом!) недостатка не было в силу уже указанных гораздо худших бытовых условиях на фабриках.

Привлечь сейчас для упомянутых работ таких подсобных мастеров нет никакой надежды в силу несравненно более высоких ставок для рабочих на советских фабриках.

Взятые вместе, приведенные причины объясняют полное сейчас отсутствие необходимой «смены» наших препараторов-таксидермистов и отсутствие прогнозов на решение вопроса, мыслимое лишь на следующих условиях:

- A. Признание этой профессии «Ударной», при внесении необходимой дифференцировки в самое определение звания «Препаратора», поскольку ныне под суммарным этим словом разумеют самые различные занятия лабораторного порядка, несравненно более элементарные, опрятные и легкие, чем таковые препаратора-таксидермиста.
- B. Предоставление подлинным специалистам-мастерам этой профессии гораздо более высоких ставок, ряда льгот и преимуществ бытового свойства и правительственных поощрений, во внимание к особо нужной, трудной и опасной для здоровья деятельности препараторов-таксидермистов.
- C. Скорейшее возведение собственного здания для **Дарвиновского Музея** и организацией при нем обширных и благоустроенных мастерских.

Только поддерживая и поощряя двух имеющихся замечательных работников нашего **Дарвиновского Музея**, наших двух **Федуловых** и самый этот наш **Музей**, — как их прославленное ими пристанище, можно было еще надеяться на привлечение достойной смены этим двум единственным в стране — виднейшим представителям былой прославленной «московской» Школы Лоренцевских препараторов.